

А

Павел Васильевич Анненков

Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого "Война и мир"

Критика 60-х годов XIX века / Сост., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. -- М., ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательства АСТ", 2003. (Библиотека русской критики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

Мы основываем право свое говорить о новом, еще не оконченном произведении гр. Л. Н. Толстого, во-первых, на громадном его успехе в публике, что ставит его в ряды явлений, вызывающих исследование, а во-вторых, на самом богатстве и полноте содержания трех вышедших теперь частей романа {Четвертая и последняя часть обещана в непродолжительном времени¹.}, которые обнаружили вполне весь замысел автора и все его цели, вместе с изумительным талантом осуществления и достижения их. Мы не боимся сказать парадокс, если выразим мнение, что и при меньшем развитии творческих сил и художнических способностей исторический роман из эпохи, столь близкой к современному обществу, возбудил бы напряженное внимание публики. Почтенный автор очень хорошо знал, что затронет еще свежие воспоминания своих современников и ответит многим их потребностям и тайным симпатиям, когда положит в основу своего романа характеристику нашего высшего общества и главных политических деятелей эпохи Александра I, с нескрываемою целию построить эту характеристику на разоблачающем свидетельстве преданий, слухов, народного говора и записок очевидцев. Труд предстоял ему немаловажный, но зато в высшей степени благодарный. Он приступил к нему, как оказывается из последствий, с твердым убеждением, что есть возможность разрешить многосложную выбранную им тему в обычных условиях романа и доставить ей этим путем весь тот литературный успех, весь тот радушный прием, который она, по своей своевременности и жгучей занимательности, встретила бы везде, где бы ни появилась.

Уже в смелом тоне первых картин романа, которые были напечатаны с год тому назад в "Русском вестнике"² и тогда же возбудили общее внимание, заключалось нечто похожее на заявление автора о своем призвании подарить публике произведением, которое, не переставая быть романом, было бы в то же время историей культуры по отношению к одной части нашего общества, политической и социальной нашей историей в начале текущего столетия вообще и которое могло бы представить из себя любопытное и редкое соединение олицетворенных и драматизированных документов с поэзией и фантазией свободного вымысла. Все, что было тогда предвещанием, явилось теперь делом решенным -- и решенным, надо сказать, с изумительной ловкостью. Не только автор нигде не обнаружил сомнения и колебания перед обширностью и исполнимостью выбранной задачи, но он словно растет ввиду затруднений, ею представляемых, творческие силы его словно напрягаются с приближением к некоторым опасным местам, где связь романа с историей держится на волоске. Разбив все содержание задачи на множество сцен и отдельных картин, он разрешает ее таким образом по частям, по-видимому, без всякого остатка, кроме того, который под сцены и картины не подходит; но о важности этого исторического остатка, не попавшего у него в переделку, мы говорим далее. Теперь нам нужно только знать, что мы имеем перед собою громадную композицию, изображающую состояние умов и нравов в передовом сословии "новой России", передающую в главных чертах великие события, потрясавшие тогдашний европейский мир, рисующую физиономию русских и иностранных государственных людей той эпохи и связанную с частными, домашними делами двух-трех аристократических наших семей, которые высылают на это позорище³ несколько членов из своей среды.

Всех более посчастливилось при этом молодому князю Болконскому, адъютанту Кутузова, страдающему пустотой жизни и семейным горем, славолюбивому и серьезному по характеру. Перед ним развивается вся быстрая и несчастная наша заграничная кампания 1805--1807 годов со всеми трагическими и поэтическими своими сторонами; да кроме того, он видит всю обстановку главнокомандующего и часть чопорного австрийского двора и гофкригсрата. К нему приходят *позироваться* император Франц, Кутузов, а несколько позднее -- Сперанский, Аракчеев и проч., хотя портреты с них -- и прибавим -- чрезвычайно эффектные снимает уже сам автор. Каждое из этих и других лиц является на сеанс со своей крупной физиономической чертой, отысканной в нем отчасти историей, отчасти анекдотом, всего более анекдотом⁴. Второе место за Болконским занимает молодой граф Безухий⁵, вялый, но добродушный и симпатичный человек, перед которым масонские ложи того времени